

ИСКУССТВО

ТЕАТР НА ТАГАНКЕ — ГОСТЬ ТБИЛИСЦЕВ

21 июня в Тбилиси начинается гастроли самый молодой столичный театральный коллектив — Московский театр драмы и комедии на Таганке.

Вот история рождения этого театра. Известный вахтанговский актер Юрий Любимов поставил со своими учениками в театральный училище им. Щукина спектакль «Добрый человек из Сезуана» по пьесе Б. Брехта. Этот спектакль получил дружное, шумное, единодушное признание. Все были захвачены яркостью, свежестью, эмоциональностью этого спектакля. Молодым и их руководителям — Юрию Любимову желали всяческих благ и, кроме того, желали не расставаться. Это было больше, чем признание способностей и творческой удачи. Это было признание того, что у выпускников школы есть за душой нечто важное и нужное людям. И вот последовало решение — молодежь заняла место старого театра драмы и комедии и Ю. П. Любимов, назначенный главным режиссером театра, переиме-

«Доброго человека из Сезуана» теперь уже в «свой» театр, введя ряд новых исполнителей. Премьера состоялась 23 апреля 1964 года. И с тех пор на протяжении двух с лишним лет Москва буквально ломится на спектакли Юрия Любимова.

Мы обратились к заслуженному артисту РСФСР, лауреату Государственной премии Юрию Петровичу Любимову с просьбой поделиться с нами своими мыслями о театральном искусстве, нового театра, о своей творческой программе, а также о том, что он нам рассказывал.

— Мы все без конца говорили о том, что каждый талант должен иметь свое лицо, свой стиль. И это действительно так. В самом деле, если мы задумаемся на минуту, что же привлекает нас в крупных талантах, мы поймем, что прежде всего нас интересует индивидуальность художника, его взгляды, его видение мира, нас привлекает неповторимость таланта, его своеобразие. В искусстве нельзя искать общих рецептов, проповедовать и добиваться единообразия. Если искусство не вызывает больших обобщений, то оно неизбежно, в конце концов, скатится к передразниванию жизни, дешевой похлостности, а в результате — натурализму. Я думаю, что всякая жизнь с искусством нашего сложного и претерпевающего в самом человеке, занимающегося искусством, массу изменений. Факт служит толчком, но факт этот непременно должен преломиться в виде обобщения. «Дон-Кихот», «Блаженный солдат Швейк», «Фауст» — это не факты — это плод воображения, плод вымысла. И театр влюблен с воображением, условный. И Брехт, и Чаплин при условности выражения несут в своем творчестве огромное обобщение. Такие же обобщения заключают в се-

бе и драматургия античности, и художники Возрождения, и Шекспир, и Пушкин... Именно поэтому мы находим в их произведениях чувства и мысли, близкие и нашей эпохе, именно поэтому классику каждая следующая эпоха заново открывает для себя. При этом не следует забывать, что все классическое наследие рождалось, как искусство новаторское.

Из чего складывается индивидуальность театра?

Своеобразие театра складывается, прежде всего, из своеобразия репертура. Находить репертуры и толковать их — вот наша почетная задача. Как режиссер, я люблю Брехта, его слова — «Театр — это зеркало эпохи, это прежде всего умение заглянуть внутрь человеческой природы, человеческих отношений и увидеть их извне, познать, каковы же силы, дающие эти отношения», — как нельзя более отвечают почетной задаче современного театра. Философичность пьес Брехта, сила обобщения, соединенные с необыкновенной подвижностью формы, дают, на мой взгляд, его интерпретаторам огромную свободу и буквально вызывают театр на поиск. Конечно, Брехт — не единственный автор нашего театра. Всякая пьеса, которая позволяет делать большие обобщения, требует остроты решения, вызывает у коллектива горячее желание работать. Меня часто спрашивают, почему наш театр увлекается поэтическими представлениями («Антииммун», «Павшие и живые», сейчас готовим к постановке спектакль по поэзии Маяковского). Здесь нет ничего парадоксального, с нашей точки зрения: поэзия пользуется большой любовью у народа и особенно среди молодежи. И хотя театр — совсем другой вид искусства, но и он зависит от веяний эпохи. К

сожалению, наша драматургия отстает от поэзии в умении ставить и разрешать насущные вопросы времени. Так мне кажется.

Читаю сегодня об открытиях в области науки и наблюдая, как на стыке разных наук рождаются новые, я думаю о том, что поиск в современном искусстве может быть особенно плодотворен на стыке жанров. Поэтому мы мечтаем о создании синтетического арлекина, синтетического спектакля. Первые шаги мы попытались сделать в «Добром человеке из Сезуана» и в «Антииммун». То же стараюсь развивать в нашей работе «Десять дней, которые потрясли мир» по мотивам книги Джона Ридда (эти спектакли тбилисцы увидят и будут свидетелями наших первых поисков в этом направлении).

Когда мы говорим о синтетическом театре, мы должны думать о таких выразительных средствах, как пластика, темпиритм, биомеханика, которые в драматических театрах часто забываются и мало употребляются. Зачастую драматические артисты вообще позволяют себе работать «вполсилы», часто прикрывая свою профессиональную беспомощность бесконечными разговорами об искусстве. А отсутствие настоящего профессионального уровня мешает театру возможности сделать спектакль точным по форме, сложным и многослойным по построению. А между тем драматическому артисту необходим тот жесткий режим, который соблюдают все другие профессии: балет, цирк, музыка. Исполнители этих сложных профессий отлично знают, что без каждодневного тренажа они не смогут освоить — музыкант сложных партитур композитора, танцор не сможет соответствовать замыслу балетмейстера, певец спеть свою пар-

тию. Искусство — труд. Мы склонны забывать об этом. Труд — тяжелый, рассчитанный на подвизников.

Когда говорят о тренаже, речь идет, разумеется, не только о пластике, рисме, мимике, дагатыся. Такая обычная вещь, как диалог, тоже оказывается, требует интересного, триважа, особой способности к психологическому напряжению. В этом мы убедились, работая над нашим последним спектаклем — «Жизнь Галилея» Б. Брехта (к сожалению, из-за сжатых сроков гастролей мы не сможем показать вам этот спектакль). Мы сознательно выбираем задачи последние — трудности закаляют актеров.

И, может быть, наш труд окажется победным — как все художники, мы на это надеемся. И тогда, верится, придет в наш театр свой зритель, тот, кто стремится попасть в данный театр, следит за его репертуаром, ждет новых спектаклей. С таким зрителем театру увереннее и веселее жить, потому что у него есть строгий и желанный судья. Именно на такого зрителя мы и рассчитываем, начиная наши гастролы в вашем прекрасном городе.

НА СНИМКЕ: Ю. Любимов.